

Н. В. Шафранская

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ОЛЬВИИ В III в.

Со времени первого опубликования ольвийский декрет в честь Протогена привлек к себе внимание исследователей исключительно богатым содержанием. Подробный перечень услуг, оказанных чествуемым ольвийским гражданином своему городу, осветил один из темных периодов в жизни Ольвии, история которой, как известно, нашла лишь слабое отражение в античной литературной традиции.

Именно с этой точки зрения подошел к декрету В. В. Латышев — автор единственной монографии, посвященной истории и государственному строю Ольвии¹. На основании тщательного анализа текста надписи В. В. Латышев пришел к выводу, что в III в., которым он датирует декрет, Ольвия переживала острый кризис; главную и единственную причину этого кризиса В. В. Латышев видел в изменении взаимоотношений греческого города с окружающей его местной средой. В. В. Латышев проводит резкую грань между отношениями, существовавшими у Ольвии с местным населением во времена Геродота, и теми отношениями, которые сложились во времена Протогена. В V в. до н. э. царили дружба, мир, и даже целое племя каллипидов возникло в результате смешанных браков (ук. соч., стр. 44), в III в. — вражда, война, поборы, о которых свидетельствует декрет Протогена. Причину этой перемены В. В. Латышев видит в изменении этнического состава местного населения: дружественные Ольвии скифы слабеют под ударами воинственных народов, кочевавших по степи между Днепром и Днестром. Новые соседи не дорожат Ольвией как выгодным торжищем и не попадают под обаяние эллинской культуры — их интересуют только добыча. Ольвии приходится напрягать все силы, чтобы отстаивать свое право на существование силой оружия, либо откупиться дарами (ук. соч., стр. 93 сл.).

Эта точка зрения, высказанная В. В. Латышевым в 1887 г., в основном может считаться общепринятой и в настоящее время как в нашей советской историографии², так и в зарубежной³. Все признают, что положение

¹ В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887.

² Б. В. Фармаковский, Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, вып. VIII, стр. 59; А. Н. Зограф, Античные монеты, М., 1951, стр. 129 и 136.; В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 13; В. Ф. Гайдукевич, Воспорское царство, 1949, стр. 534—535; Т. В. Блаватская, Греки и скифы в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 241.

³ E. M i n n s, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913. Работа Миннза, как

любого из северочерноморских городов обуславливалось в первую очередь его взаимоотношениями с местным населением. В. В. Латышев дает прекрасное определение взаимоотношений ольвиополитов с соседними скифскими племенами в период основания колоний (ук. соч., стр. 14—15). Он подчеркивает, что самый факт не только процветания, но и существования греческих поселений в окружении значительно их превосходящих по численности местных племен доказывает наличие взаимной заинтересованности. Экономическое благополучие греческой колонии складывается только на основе тесного взаимодействия с местным населением, определяющим и рынок сырья и рынок сбыта. В советской науке это положение получило дальнейшее развитие и обоснование¹. Однако приводимые ниже материалы заставляют считать это положение недостаточным и односторонним.

Концепция ольвийской истории, созданная В. В. Латышевым, нуждается в пересмотре в свете новых данных. Прежде всего, можно ли так безоговорочно, как это делает В. В. Латышев, констатировать чисто хозяйственный характер кризиса Ольвии в III в. до н. э.?

В то время, когда В. В. Латышев делал свои выводы об ольвийском кризисе, он был еще лишен возможности опереться на данные археологии. Как известно, планомерные раскопки города начались только в 1901 г., когда к этой работе приступил Б. В. Фармаковский. Уже в начале XX века археологический материал заставил внести некоторые коррективы в картину ольвийского кризиса, нарисованную Латышевым. Впервые эта нота прозвучала в работах Э. Штерна.

Публикуя ольвийские археологические находки, Штерн неоднократно указывает на широту ольвийских торговых связей в III в. до н. э.² А в 1909 г. он уже прямо говорит о том, что в III в. материальный уровень жизни в Ольвии стоял еще высоко, несмотря на усилившийся напор соседних племен³.

Следующее слово в этом вопросе было сказано советскими археологами. Т. Н. Книпович, Л. М. Славин, Е. И. Леви, А. Н. Карасев—собственно все те, кто в течение ряда лет проводили раскопки на ольвийском городище, не могли не обратить внимания на то, что археологическая картина жизни Ольвии в III в. не подтверждает мнения В. В. Латышева, рассматривавшего этот период как период острого экономического кризиса. На основании археологического материала Ольвия III в. до н. э. встает перед нами как город, живущий напряженной деловой жизнью. Распи-

известно, представляет собой компилятивную сводку результатов исследований русских ученых в области археологии и эпиграфики Северного Причерноморья; в вопросе об ольвийском кризисе во времена Протогена Минца полностью повторяет В. В. Латышева. Ср. Max Ebert, *Südrussland im Altertum*, 1926, стр. 224 сл.; M. Rostovzeff, *The Bosphorian Kingdom*, САН, VIII, стр. 511 сл. и RE, s. v. Olbia.

¹ А. А. Иессен, *Греческая колонизация Северного Причерноморья*, Л., 1947; Д. П. Калинин, *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, Л., 1949; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, М.—Л., 1949, стр. 40 сл.; Т. Н. Книпович, *Танаис*, М.—Л., 1949; она же, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—VI вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 105 (1934), стр. 90 сл.; М. И. Артамонов, К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 29.

² Э. Штерн, *Античная глазированная посуда с юга России*, Одесса, 1899; он же, *ЗУО*, XXV (1902); он же, Ваза с рельефными украшениями из Ольвии; он же, Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморских колоний, Одесса, 1899, стр. 18 сл.; он же, К вопросу об эллинистической керамике, Одесса, 1910, стр. 18.

³ E. Stern, *Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meers*, *Lichte archäologischer Forschung*, «Klio», IX (1909), 2, стр. 139.

руется территория города. Возникают новые благоустроенные кварталы¹. Совершенствуется коммунальное хозяйство². Растет и развивается местное производство³. В результате раскопок 1935—1937 гг. на участке «И» в культурном слое III—II вв. до н. э. было найдено 580 клейм на ручках амфор и на черепшке. На основании этого материала можно констатировать интенсивный ввоз вина и масла в Ольвию в III—II вв. до н. э., причем торговля велась не только в пределах старого рынка. Интересно, что 50% общего количества клейм, найденных на участке «И», составляют родосские клейма, что дает основание говорить об оживленной торговле Ольвии с Родосом именно в этот период. Этот вывод подтверждается и данными раскопок 1926 г.⁴ и сравнением с аналогичным материалом Боспора, где родосских клейм найдено значительно меньше⁵. В то же время впервые встречается импорт Южного Причерноморья. Почти несомненной большой роль Синопы и Гераклея в торговой жизни Ольвии. Так, например, по количеству клейм Синопа стоит на втором месте после Родоса. Кроме того, имеются клейма херсонесские, фасосские, кипидские и ряд других⁶. Среди привозной керамики III—II вв. первое место занимает продукция малоазийских центров. Наиболее богато представлен Пергам⁷, оживленные торговые связи с которым подтверждает и керамический материал из раскопок 1902 г.⁸. Интересно, что образцы такой же керамики были найдены в большом количестве в сифийских городищах, тяготеющих к Ольвии. Это, как кажется, может служить доказательством того, что Ольвия в то время занималась широкой транзитной торговлей. Керамические находки из эллинистических слоев Ольвии говорят также о продолжавшихся связях Ольвии с Атикой⁹ и такими центрами, как Самос и Александрия, откуда, помимо керамики, идет цветное стекло и предметы культового характера: фигурки бэсов, скарабеи, скульптура¹⁰. Широкие торговые связи Ольвии в III—II вв. подтверждаются и эпиграфическим материалом. Известен ряд почетных декретов и декретов о проксении, дарованных иностранным купцам в Ольвии и ольвийским гражда-

¹ Л. М. Славин, Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1938 гг., в кн. «Ольвия», Киев, 1940; ср. Л. М. Славин, Ольвийские городские кварталы северо-восточной части верхнего города, СА, VII, стр. 292 сл.; Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII (1949), стр. 21 сл.; Е. И. Леви, Центральный городской квартал эллинистической Ольвии, доклад, прочитанный в Секторе Сев. Причерноморья ЛОИИМК 25/IV 1947 г.

² А. И. Карасев, К вопросу о водоснабжении Ольвии, СА, VII, стр. 129 сл.

³ Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа «И», в кн. «Ольвия» стр. 129; она же, Из истории художественной керамики, 1941, стр. 148.

⁴ С. С. Дроздовский, Записки Всеукр. археолог. комитету, I, стр. 115 сл.

⁵ А. С. Коцевалов, Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок 1935—1936 гг., в кн. «Ольвия», стр. 268; ср. СА, VII (1941), стр. 305.

⁶ Б. Н. Граков, Древние греческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928; ср. Л. М. Славин, СА, VII, стр. 305 сл.; Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII (1949), стр. 26. Раскопками 1947 г. обнаружен погреб, содержащий 59 пустых амфор с гераклеийскими энглифическими и фасосскими клеймами (преобладают гераклеийские).

⁷ Т. Н. Книпович, Торговые сношения античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма, СА, XI (1949), стр. 275; ср. Е. И. Леви, Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг., в кн. «Ольвия», стр. 119—120; ср. Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII, стр. 30.

⁸ Б. В. Фармаковский, Обломок глиняной чашки из Ольвии, ИАК, 1902, стр. 73—80; «Краткий отчет о раскопках 1902—1903 гг.», ИАК, вып. VIII, стр. 302.

⁹ Т. Н. Книпович, Торговые сношения античных колоний Сев. Причерноморья в эпоху эллинизма, СА, XI, стр. 281 сл.

¹⁰ Б. В. Фармаковский, Голова Асклепия, ИАК, XIII В, стр. 191—215; ср. В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья, М., 1947, стр. 82.

нам в городах, которые, очевидно, были связаны с Ольвией торговыми интересами. В качестве примера можно привести делосский декрет о проксении, данный ольвийскому гражданину Посидею около 180 г. до н. э.¹, или ольвийский декрет в честь некоего Еланика Родосца, датируемый по характеру письма III—II вв. (IOSPE, I², 30). Надпись сильно фрагментирована, но самый факт существования подобного декрета вполне гармонирует с обилием родосских амфорных клеев в культурных слоях эллинистической Ольвии. О связях с Родосом говорит и фрагмент надгробной стелы, посвященный какой-то жительнице Ольвии, найденный на о. Родосе (Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 289). В этой же связи представляет интерес дельфийский декрет о даровании проксении представителям 15 припонтийских городов, в том числе Ольвии. На основании упоминаемого в надписи Главкона Китнейца, который был феором около 280 г., Б. Н. Граков (ук. соч., стр. 247) точно датирует надпись 263—260 гг. до н. э. О том, что Ольвия была важным торговым пунктом для западных причерноморских городов, также говорит ряд надписей. Так, мы имеем, например, декрет жителей Том в честь тиранца Нила. В декрете констатируются торговые связи между Томами, Тирой и Ольвией. По характеру письма Б. Н. Граков (ук. соч., стр. 311) датирует надпись II в. до н. э. О связях с Месембрией говорит надгробная надпись Сатвра, сына Дионисия Месембрийца, погребенного в Ольвии в III в. до н. э.: (IOSPE, I², 688). Известен также ольвийский декрет о проксении, данной гражданину г. Каллатия—Навтому за оказание услуг приезжающим в Каллатий ольвиополитам (IOSPE, I², 27). К III в. относится и фрагмент почетного декрета с о. Коса в честь Посидея Ольвийского (IOSPE, I², 77) и тенеодосский декрет в честь сына Посидея ольвиополита, увенчанного за какие-то услуги тенеодосским гражданам золотым венком и почетного медным изображением (IOSPE, I², 78). Следует подчеркнуть, что аналогичные эпиграфические памятники римской эпохи дают для Ольвии картину явного сужения сферы торговой деятельности, которая в основном замыкается кругом городов, расположенных по берегам Понта Евксинского и Пропонтиды². Исследование ольвийского некрополя также не подтверждает концепции В. В. Латышева об остром кризисе. Инвентарь погребений III в., как нам кажется, не дает картины резких изменений в уровне материальной жизни города³.

Именно III в. до н. э. наиболее богато представлен местными terra-cotta изделиями⁴, местной художественной керамикой⁵, свидетельствующими о развитии своеобразного и яркого ольвийского искусства⁶.

Согласно литературной традиции, Ольвия была родиной известного философа Биона, стойка Сфера и историка Посидония. Из этих трех лиц самым известным и спорным ольвиополитом был философ Бийон, который жил как раз в III в. до н. э., так что он мог быть современником Протогена. Нельзя не обратить внимания на то, что при общей скудости наших источников для ольвийской хозяйственной и умственной жизни

¹ В. В. Л а т ы ш е в, *Почтиж*, стр. 55; ср. Б. Н. Г р а к о в, *Материалы по истории Скифии в греческих надписях*, ВДИ, 1939, № 3, стр. 257 сл.

² IOSPE, I², 40, 41, 79, 174, 204, 223.

³ Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, *Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.*, ИАК, VIII, стр. 35; ср. ОАК, 1900, стр. 11; Э. Ш т е р н, *Могильные находки в Ольвии в 1891 г.*, Одесса, 1906. В работах «Ваза с рельефными украшениями из Ольвии» и «Глазурованная посуда с юга России» Штерн публикует ряд богатых керамических изделий III в., найденных в ольвийском некрополе.

⁴ Л. М. С л а в и н, СА, VII (1941), стр. 304; ср. М. М. Х у д я к, *Терракоты*, в кн. «Ольвия», стр. 85 сл.

⁵ Т. Н. К н и п о в и ч, *Из истории художественной керамики*, СА, VII, стр. 140.

⁶ В. Д. Б л а в а т с к и й, *Искусство Северного Причерноморья*, стр. 84, 86, 88.

в III в. до н. э. те данные, которыми мы располагаем, связаны каким-то внутренним единством. Можно уловить известную гармонию в появлении новых кварталов, обилии привозной керамики, широте торговых связей, развитии местного керамического производства и искусства и в появлении в это же время единственного крупного ольвийского философа.

Нельзя сделать окончательный вывод на основании в значительной мере разрозненного материала, однако одно положение кажется все же совершенно бесспорным: археологический материал не дает указаний на острый кризис в III в. Правда, характеризуя монетное дело в Ольвии в III в. н. э., Зограф отмечает, что переход Ольвии к применению денежной системы только двух металлов (золота и меди) указывает на стесненное положение города¹. Однако такое положение, по его же утверждению, было вообще характерно для греческих полисов в III в.² В большинстве греческих полисов в это время главную роль играет международная золотая монета — центр тяжести деловых операций перемещается на широкий внешний рынок.

Как же сопоставить возникшую перед нами картину оживленной экономической и культурной жизни Ольвии с декретом в честь Протогена? Быть может, следует, основываясь на изложенных выше данных, поставить вопрос о пересмотре латышевской датировки декрета в сторону ее снижения? Эта проблема, как известно, привлекла внимание многих исследователей и до В. В. Латышева³ и после него⁴. Текст надписи не дает прямых указаний на время ее написания. Где и при каких обстоятельствах найдена надпись — неизвестно. Приходилось искать датирующих указаний в тщательном изучении палеографических и стилистических особенностей текста, в историческом анализе встречающихся в декрете этнических терминов, в сопоставлении декрета с другими эпитафическими текстами и данными нумизматики. Однако даже такие авторитетные эпитафисты, как Латышев, Диттенбергер, Бек и др., вынуждены были признать, что общий характер письма и начертание отдельных букв в декрете Протогена не позволяют точно определить дату его написания. Так, например, Бек и Диттенбергер склонны были, на основании некоторых букв — особенно серповидной сигмы и своеобразной омеги, — отнести декрет ко II в. до н. э. Но В. В. Латышев, основываясь на надписях Северного Причерноморья, убедительно доказал, что серповидная сигма и оригинальная омега декрета в честь Протогена употребляются в некоторых ольвийских и пантикапейских документах наряду с буквами, относящимися бесспорно к IV в. до н. э., да и в самой Аттике серповидная сигма неоднократно встречается в документах IV в.⁵ Таким образом, палеографический анализ декрета позволял с равной убедительностью датировать надпись III и II вв. до н. э. К таким же собственным результатам привела попытка установить время написания декрета на основании

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М., 1951, стр. 129 и 131 сл.

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 129 сл. и стр. 177; ср. G. Seltman, *Greek coins*, 1933, стр. 206 сл.

³ Историю вопроса см. у В. В. Латышева, *ук. соч.*, стр. 66 сл.

⁴ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М., 1951, стр. 130. Ф. Браун, *Разыскания в области гото-славянских отношений*, СПб., 1899, стр. 112 сл.; Ф. Слюсаренко, *Греко-скитские взаимовидности II стор. п. X*, Прага, 1925; SIG, I², стр. 226; E. Minois, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 462 сл.; М. И. Ростовцев, в «Gnomon», VI (1930), 12, стр. 625 сл. и X (1934), 1, стр. 2 сл.; C. Patsch, *Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa*, Wien—Lpz., 1929, стр. 83.

⁵ В. В. Латышев, *ук. соч.*, стр. 83. Мнение Латышева может быть подтверждено хотя бы текстом декрета о проксении (IOSPE, 12, 22), датированным IV в. до н. э. и содержащим совершенно такую же сигму, как в декрете в честь Протогена.

исторического анализа его содержания. В. В. Латышев (ук. соч., стр. 69 сл.) пошел по линии использования указания о галатах и сопоставления декрета в честь Протогена с другим ольвийским эпиграфическим материалом. Этот путь привел его к датировке декрета III в. до н. э. (от 279 до 213 г.). Однако сам исследователь вынужден был признать гипотетичность своего построения (ук. соч., стр. 86). Диттенбергер, Миннз и ряд других исследователей, используя тот же анализ термина *Γαλάται* и те же эпиграфические документы, приходят к датировке декрета II в. Отсюда напрашивается печальный вывод — при современном состоянии источников датировка декрета остается в пределах III—II в. до н. э. Археологические данные говорят скорее в пользу датировки декрета III в. или во всяком случае концом III¹.

Так обстоит дело с первым положением В. В. Латышева. Перейдем ко второму его положению. Соглашаясь с тем, что характер взаимоотношений с туземным населением являлся весьма важным фактором в жизни Ольвии, нельзя, однако, не поставить В. В. Латышеву в упрек, что, выдвинув свое второе положение, он его в сущности не развил. Почему, в самом деле, так резко изменились взаимоотношения Ольвии с окружающей средой? В. В. Латышев отвечает на этот вопрос общей ссылкой на то, что в III в. скифов сменяют воинственные кочевники, сарматы, в результате чего гибнет и ольвийское благополучие. Эта мысль в дальнейшем была подхвачена рядом ученых. Однако проблема этнических изменений в Причерноморье в III в. настолько сложна, что и сейчас еще она очень далека от своего окончательного решения. При современном состоянии источников мы не можем ответить ни на один вопрос, связанный с этой проблемой, с должной полнотой и ясностью. Кто такие сарматы? Откуда они пришли? Как протекал процесс их внедрения в причерноморские степи? Все эти вопросы еще очень далеки от своего разрешения.

Несомненно одно — в среде местного населения Северного Причерноморья на протяжении двух столетий, прошедших со времени посещения Ольвии Геродотом, произошли существенные изменения. Однако было бы неправильно объяснять эти изменения, как это делают большинство буржуазных ученых, одним передвижением племен. Такая трактовка вопроса позволяла реакционным ученым — Ростовцеву, Вернадскому и др., обойти острые вопросы социальной борьбы, определяющей внутреннее содержание античной истории. Для них передвижение племен — универсальное объяснение самых сложных внутренних изменений. А между тем археологические раскопки Приднепровья ясно показывают, что в III в. в степной полосе Днепра возникает ряд крупных земледельческих поселений. М. И. Артамонов считает их появление результатом оседания кочевников. Можно думать, что эти перемены были связаны не столько с этническими изменениями, сколько с процессом классообразования, который в конечном итоге приводит к созданию в Крыму скифского государства Скилура.

К сожалению, В. В. Латышев в своем анализе декрета Протогена почему-то не счел нужным сопоставить его с рядом других документов той же эпохи из городов центральной Греции. Кризис, отразившийся в декрете, рассматривался как явление специфически ольвийское, обусловленное враждебной активизацией соседних народов. Сопоставление декрета в честь Протогена с современными ему почетными декретами Балканской и островной Греции позволяют, как нам кажется, с новой точки зрения подойти к оценке ольвийского кризиса III в. до н. э. Особый интерес в этом отно-

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 535.

шении представляет афинский декрет в честь Евриклида¹. Начало и конец надписи испорчены. Сделанное Келером восстановление пергой и второй строки принято Диттенбергером с некоторыми сомнениями, вызванными необычным выражением $\tau\tau\upsilon\ \tau\omega\nu\ \sigma\tau\rho\alpha\tau\iota\omega\tau\iota\kappa\omega\nu\ \alpha\rho\chi\eta\nu\ldots$. Против такого восстановления возражает и С. А. Жебелев². Однако и в сохранившейся части декрет настолько интересен, что мы считаем необходимым привести его перевод, придерживаясь текста Диттенбергера.

«...являясь казначеем военной казны...заботу и руководство военными делами через сына и истратил немало денег. И когда был агонифетом, истратил семь талантов, и опять же, сын, позаботившись и прекрасно исполнив агонифетство, издержал немало денег. И когда страна (χώρα) из-за войн была незасеяна и бесплодна, он предоставил деньги для того, чтобы ее засеять и возделать. И возвратил городу независимость вместе с братом Миккионом после возвращения Пирея и дал деньги для венка воинам, возвратившим вместе с Диогеном крепости. И укрепил гавани и вместе с братом Миккионом исправил стены города и Пирея. И города греческие и союзников³ склонил на свою сторону...и сколько народ денег был должен...позаботился по справедливости...представив деньги и...полезный народу...вынес закон...».

Датировка надписи III в. (около 229 г.) не вызывает сомнения. Упомянутые в ней лица Евриклид и Миккион известны и из других надписей (SIG, I², 232) и из литературных источников⁴. На этом основании А. Н. Щукарев (ЖМНП, 1888, июнь, стр. 64 сл.), С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 25 сл.), а также Диттенбергер (SIG, I², 33, стр. 376 сл.) и Келер (СИА, II, 379) относят надпись по времени деятельности Евриклида и Миккиона к периоду около 229 г. По свидетельству Плутарха (Агат., 34) и Павсания (II, 8, 6), в 229 г. афиняне вернули себе независимость, подкупив Диогена, начальника македонского гарнизона. Они дали ему за вывод войск из Пирея, Мунихия, Саламина и Суния 150 талантов. Очевидно, эта взятка носит в надписи скромное название «венка», на который Евриклид дает деньги. С. А. Жебелев упоминание о незасеянной хоре относит, вслед за Щукаревым, к событиям, связанным с вторжением Арата в Атику и агрессивией Деметрия Полиоркета (ук. соч., стр. 25 сл.).

Сравнивая декрет в честь Протогена с декретом в честь Евриклида, нельзя не обратить внимания на поразительное сходство деятельности обоих «благодетелей». Конечно, каждое из постановлений имеет свои индивидуальные черты, обусловленные конкретной исторической обстановкой, в которой действовал Протоген в Ольвии и Евриклид в Афинах, но общий характер их деятельности совпадает.

1) Протоген тратит немало средств для урегулирования отношений между Ольвией и соседними племенами (дает деньги на дары, организует посольства и т. д.); Евриклида чествуют за заботу о независимости города и за расходы, понесенные им в связи с извращением Афин от македонского гарнизона (дал деньги на венка воинам, возвратившим крепости). 2) Протоген, когда городу грозило нашествие галатов и скиров, на свой счет построил две стены в приречной части города и починил пришедшие в ветхость башни. Евриклид с братом Миккионом исправил стены города и Пирея и укрепил гавани. 3) Протоген неоднократно выручал город во время недостатка хлеба, оказывая помощь и деньгами и хлебом. Евриклид

¹ «Ἀθηναίων», I, стр. 8; СИА, II, 879; SIG, I², 233 и SIG, I³, 497.

² С. А. Жебелев, Из истории Афин 229—31 гг. до р. Х., СПб., 1898, стр. 25.

³ Καὶ πόλεις Ἑλληνίδας καὶ συμμάχους προσήγαγετο.

⁴ Polyb., V, 106, 7; Paus., II, 9, 4.

дал деньги для засева и обработки хоры, пришедшей в результате войны в запустение. 4) Конец надписи в честь Евриклида испорчен, но по отдельным сохранившимся фразам можно предположить, что, кроме перечисленных благодетелей, Евриклид проявлял заботу о государственных финансах и опять давал деньги (*πορίσας χρήματα*) на какие-то общественные нужды и «позаботился по справедливости» о каких-то долгах. Обращает на себя внимание, что и декрет в честь Протогена также заканчивается указанием на то, что Протоген по просьбе народа позаботился о кредиторах и должниках и первый (только первый, как и во всех других случаях!) простил все, что были должны ему и отцу.

Помимо сходства по содержанию, интересно указать на стилистическую и композиционную близость между обоими документами. Деловое, можно сказать, протокольное, перечисление заслуг Протогена и Евриклида характерно вообще для декретов III в. до н. э., написанных, как правило, сухим, конкретным языком, в отличие от декретов I в. и особенно декретов римского времени, язык которых чрезвычайно напыщен и риторичен, причем часто бедность содержания прикрывается пышными и витиеватыми фразами. На это обратил внимание уже В. В. Латышев (ук. соч., стр. 180). Что касается композиционного сходства между декретом в честь Протогена и декретом в честь Евриклида, то здесь можно отметить, что в общих чертах, несмотря на некоторые отступления, и там и тут выдержана определенная схема: сначала идут заслуги, связанные с внешнеполитическим положением, затем заслуги, связанные с экономическими затруднениями, дальше перечисляются произведенные строительные работы. Завершается перечень заслуг «общей частью», которая в обоих декретах безнадежно испорчена, но все же дает возможность установить, что в ней речь шла о каких-то общих мероприятиях — народ просил Протогена «позаботиться» о кредиторах и должниках, и Евриклид «сколько народ был должен»... «позаботился по справедливости».

Создается впечатление, что в обоих декретах заключительная часть отражает какие-то мероприятия, связанные с попыткой смягчить социальный кризис путем удовлетворения традиционного требования античной демократии об отмене долгов (*χρεῶν ἀποκοπή*). Если это так, то интересной аналогией может служить неудачная попытка этолян провести в III в. закон о сложении долгов (Polyb., XIII, 4). Полибий упрекает этолян в расточительной жизни, в результате которой очень многие из них впали в долги. Было решено поправить беду законодательными мерами. Этолйским стратегам Доримаху и Скопасу народное собрание поручило выработать соответствующие законы. Согласно Полибию, и Доримах и Скопас сами были обременены многочисленными долгами и потому провозгласили отмену долгов. Против этого восстал некий этолйский богач Александр, упоминаемый Полибием (XXI, 26, 14) как пример, подтверждающий скопление больших богатств в руках отдельных лиц (состояние Александра превышало двести талантов). Александр убеждает народное собрание позаботиться не только о том, чтобы избавиться от бремени долгов в настоящем, но подумать также и о будущем. Этим призывом Александр склонил этолйцев к отказу от реформы. Однако, завершает Полибий свой рассказ, в конце концов дело дошло до открытой борьбы между займодавцами и должниками.

Из этих трех примеров видно, что развитие задолженности в Ольвии не было явлением чрезвычайным. Одновременно важно отметить, что и такие факты, как привлечение частных лиц к решению вопроса о судьбе должников, являются типичной чертой эллинистической Греции. И в Ольвии и в Афинах в трудную минуту на помощь государству приходят частные лица, берущие на себя решение чисто государственных вопросов,

связанных с обороноспособностью города и упорядочением экономической жизни, путем предоставления государству крупных денежных средств.

Мы знаем также случаи, когда для оказания помощи государству привлекаются все имущие жители полиса. Уже упоминалось, что Протоген в большинстве случаев выступает только как *πρότος* среди других жертвователей. В этом отношении интересна афинская надпись, отражающая как раз такое групповое пожертвование «на спасение города и охрану страны» (SIG, I², 232). В числе жертвователей и в качестве казначея военной казны в надписи упоминается Евриклид, сын Микциона, Кефисиец, которого Келер и Диттенбергер отождествляют с Евриклидом приведенного выше почетного декрета (SIG, I², 232, стр. 376). Ф. Ф. Соколов¹ относит эту надпись ко времени после 229 г., когда афиняне освободились от македонской зависимости, но должны были готовиться к возможному нападению со стороны Антигона Досона, так как трудно было надеяться, что Македония примирится с потерей Афин и не попытается вернуть себе утраченное господство. При таком толковании времени надписи становится понятным забота *περί τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως καὶ τῆς φυλακῆς τῆς χώρας*.² Из содержания надписи можно сделать следующий вывод: афинская государственная казна не имеет средств, необходимых для защиты страны от возможного нападения. «Для спасения города и для того, чтобы... собраны плоды с полей с безопасностью», необходимо прибегнуть к частной благотворительности.

О групповых пожертвованиях «на спасение города» упоминается и в почетном декрете в честь Аполлодора (REG, XII, 71 сл.), который участвовал в этих пожертвованиях и, кроме того, как кажется, укреплял на свой счет гавань (надпись фрагментирована). В надписи, опубликованной в CIA, IV, 2, 373, также говорится о том, что некий кидафиниец «дал деньги, когда были добровольные пожертвования на охрану страны». Попытка отнести упоминание о добровольных пожертвованиях к приведенной выше надписи 229 г. отклоняется С. А. Жебелевым, так как в обоих случаях не сохранена полностью формула «на спасение города и охрану страны». Как указал С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 68 сл.), это дает основание, учитывая точность официального языка надписей, предположить, что здесь речь идет о каких-то других пожертвованиях. Кроме того, о том, что пожертвование 229 г. не носило единичного характера, свидетельствует список лиц, пожертвовавших деньги на сооружение башни (CIA, II, 982). Этот сильно фрагментированный список относится Келером и Дюмоном к хремонидовой войне. С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 67) на основании анализа списка архонтов датирует надпись 220—219 гг. до н. э.

Обращение к частной «благотворительности» не было только специфическим афинским явлением. Ряд надписей подтверждает, что аналогичные явления в это время можно было наблюдать во всех полисах греческого мира. Для сопоставления особенно интересна надпись из города Архесины с острова Аморга, датируемая концом IV в. до н. э. (SIG, I²,

¹ ЖМНП, 1879, ноябрь, стр. 404 сл.

² А. Н. Щукарев, полемизируя с Ф. Ф. Соколовым, пытается отнести надпись к эпохе Дмитриевой войны, т. е. к 234—229 гг. до н. э. (ЖМНП, 1888, июнь, стр. 64 сл.). С. А. Жебелев тщательным анализом имен, сохранившихся в списке жертвователей, и сопоставлением времени года, указанного в надписи (месяц элафеболион), со временем, соответствующим событиям 228 г., опровергает выводы Щукарева и подкрепляет предположение Ф. Ф. Соколова о времени надписи (ук. соч., стр. 22). В этой же работе С. А. Жебелев устанавливает несостоятельность мнения Лоллига (ΔΑ, 1892, 48), отнесшего надпись ко времени после 225 г. В надписи упоминается философ Ликон — перипатетик, который умер в 226 г., следовательно, никак не мог быть жертвователем в 225 г. Во всяком случае датировка надписи III в. не вызывает никаких сомнений.

112). Вне зависимости от того, кем является чествуемый Андратион Афинянин, надпись также представляет собой интересную аналогию к декрету в честь Протогена, так как здесь мы в более лаконичной форме встречаем перечисление почти тех же услуг, что и оказанные Ольвии Протогеном.

1) Так же как и Протоген, который, приняв на себя общественное управление и должность казначея, «управлял честно и справедливо», Андратион управлял городом милостиво, не обижая ни граждан, ни прибывших в город иноземцев. 2) Два раза в декрете упоминается о том, что чествуемый давал деньги «для пользы города» без процентов. Такую же услугу неоднократно оказывал Ольвии Протоген. 3) Андратион из личных средств уплатил жалование гарнизону. Эту услугу, быть может, можно сопоставить с расходами Протогена на удовлетворение скиптропосев, так как не исключена возможность, что иногда они использовались Ольвией именно как военная сила, за что и получали определенные «дары». 4) Кроме того, Андратион сократил издержки города на 12 мин в сравнении с предыдущим годом. Эта фраза почетного декрета говорит о каком-то урегулировании финансовых дел Аркесины, проведенном Андратионом. И в этом случае его деятельность также напоминает деятельность Протогена в качестве казначея государственной казны.

Интересна для сопоставления и надпись из Эритр, предположительно датированная III в. до н. э. (IG, 376). Здесь, как и в декрете Протогена, мы сталкиваемся с использованием частных средств для решения государственных вопросов, причем также подчеркивается беспроцентность ссуды ($\chi\rho\upsilon\mu\alpha\tau\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\ \dot{\epsilon}\sigma\upsilon\nu[\epsilon]\gamma\chi\epsilon\nu\ \dot{\alpha}\tau\iota\kappa\alpha$).

Такие же явления наблюдаем мы в городах на западном побережье Понта Евксинского. Так, декрет из Истрии в честь Аристорга, сына Апатура¹, представляет собой прямую аналогию декрету в честь Протогена. Как и Протоген в Ольвии, чествуемый Аристорг строит за свой счет стены города в период нападения бастарнов; дает деньги для выкупа граждан, попавших в плен, и совершает несколько посольств к «варварам», очевидно, для урегулирования отношений между ними и Истрией. Заслуги такого же характера перечисляются в херсонесской надписи III в., сделанной на пьедестале статуи некоего Агасикла, сына Ктиссия. В надписи, наряду с другими заслугами, отмечается, что чествуемый «был стеностроителем» ($\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\tau\omicron\upsilon\sigma\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma$).

Эпиграфические тексты I—II вв. н. э. дают основание утверждать, что обращение к частной благотворительности, типичное для эллинского мира в III в. до н. э., остается явлением весьма распространенным и в первые века нашей эры. Очевидно, причины, вызвавшие это явление, были органически связаны с судьбою греческого полиса вообще.

Для характеристики состояния государственной казны греческого полиса в III в. интересно сопоставить инцидент, происшедший в Ольвии, с залогом архонтами священных сосудов у чужестранца Полихарма, которые удалось выкупить только после вмешательства Протогена, и аналогичный случай, известный нам из одной беотийской надписи III в. до н. э. (IG, VII, 3172). Содержание надписи таково: некая феспиянка Никарета ссудила на год орхоменскому государству сумму в 17585 $\frac{1}{3}$ драхмы. Не получив своевременно денег, Никарета прибегает к крайней мере, которая обычно применялась по отношению к несостоятельному должнику. Только когда полемарх и казначей переводят долг на себя, т. е., подобно Протогену², превращают государственный долг в частное

¹ SIG³, 708. Надпись датируется второй половиной II в. до н. э.

² По подсчетам Латышева, Протоген истратил на нужды государства на протяжении всей своей деятельности 300 тысяч драхм.

долговое обязательство, Никарета успокаивается. Интересно, что в обоих этих случаях очень ясно выступает бедность государства, с одной стороны, и наличие в нем людей, располагающих большим состоянием, — с другой.

Весь эллинский мир в III в. переживал кризис. Полис как государственная форма, сложившаяся в период становления и расцвета рабовладельческого строя, должен был уступить ведущую роль эллинистической монархии. Все приведенные нами документы бесспорно свидетельствуют о разложении полисной государственной системы. В новой обстановке полис не мог сохранить ни автаркию, ни элевтерику, на решающее значение которых для существования греческого государства указывал Платон в «Государстве» и «Законах». Кризис полиса, в частности, определялся растущим имущественным неравенством. Платон в «Государстве» прямо говорит о том, что каждый греческий город-государство раскололся на два враждующих города: город бедных и город богатых (Plato, *Respubl.*, IV, 422—423a), имущественное неравенство приводит к утрате *ισονομία*, гарантировавшей всем гражданам полиса участие в управлении государством. Демократическая форма правления сменяется почти повсеместно олигархической¹. Государственные правовые институты, выработанные на протяжении всей жизни полиса, сохраняясь формально, утрачивают свое прежнее значение. Фактически власть сосредоточивается в руках немногих влиятельных лиц². Новые хозяева города, по большей части крупные торговцы, не видели практического смысла в отстаивании и сохранении полисной системы. Интересы торговли влекли их за рамки своего города. Они больше заботились о создании благоприятных условий для коммерческих операций, чем о политической независимости.

В этой связи интересно напомнить о том, как характеризует Полибий (V, 106, 6—8) деятельность Евриклида и Микиона в 20-х гг. Под их руководством Афины, по словам Полибия, рассыпались в любезностях перед эллинистическими царями, особенно перед Птолемеями, отказавшись от всякого участия в общеэллинских делах. Если мы, с этой точки зрения, посмотрим на декрет в честь Протогена, мы увидим в нем документ, рисующий кризис полиса, как государственной организации, не отвечающей больше требованиям времени. Деятельность Протогена в Ольвии, Евриклида и Микиона в Афинах, Андратиона в Аркесине, Фанеса, сына Мнеситова, в Эритрах, Аристогора в Истрии и многих других «благодетелей» является яркой иллюстрацией распада полисной государственной организации и постепенного сосредоточивания государственных функций в руках лиц, сильных своим экономическим положением. Пуста государственная казна, но в немногих руках концентрируются большие богатства.

В то же время идет процесс разорения и постепенного исчезновения средних групп рабовладельцев. Именно эта опора полисной государственной организации особенно пострадала в тревожные времена, переживаемые эллинистической Грецией. Она не смогла извлечь тех выгод, которые создавало широкое развитие международных деловых связей. В нашем распоряжении имеются такие факты, как, например, состояние Спарты в III в. до н. э. Движение Агиса и Клеомена, идущее под лозунгом отмены долгов (*χρεῶν ἀποκότη*) и передела земли (*γῆς ἀναδασμός*), находит отклик не только во всем Пелопоннесе, но и за его пределами. Совершенно очевидно, что в III в. главное проявление общего кризиса полиса выливает-

¹ С. А. Жебелев в «Херсонесской присяге» говорит: «в некоторых греческих государствах, начиная с конца IV в. и в течение всего III в., наблюдается любопытное явление. Оно может быть охарактеризовано, как своего рода тяга к тирании» (ИАН ООИ, 1935, стр. 921).

² Т. В. Блаватская, Внутреннее устройство западнопонтийских городов, ВДИ, 1949, № 3, стр. 45.

ся в форму острых социальных потрясений. Очевидно, и Ольвия не избежала общей участи. Декрет Протогена говорит не только о попытке мирным путем урегулировать конфликт между должниками и займодавцами. Грозным симптомом надвигающихся социальных бурь является угроза отпадения микс-эллинов и рабов в момент внешней опасности. Следы каких-то внутренних потрясений сохранились также в известном фрагменте почетного декрета в честь некоего Καλλ...¹

По всем признакам Ольвия времен Протогена разделяла общую судьбу греческого полиса в эллинистическую эпоху. Подчеркнуть это обстоятельство, до сих пор оставшееся в тени, представляется весьма важным в принципиальном отношении.

